ГОСУДАРЬ ЦЕРКОВЬ И НАРОДЪ.

КО ДНЮ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Боящійся Бога! Царя чтите.
Чтущіе Царя Бога бойтеся.
Филаретъ.

Николая Заозерскаго

Ординарнаго Профессора Московской Духовной Академіи.

Сергіевъ Посадъ
Моск. губ.
2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
1896.

Оттискъ изъ № 5 «Богословскаго Вѣстника» за 1896 годъ.

Печатать дозволяется. Апрѣля 26 дня 1896 года.

Ректоръ Академіи **Архимандритъ Лаврентій.**

Государь, Церковь и народъ.

(Ко дню священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ).

Боящіеся Бога! Царя чтите. Чтущіе Царя! Бога бойтеся.
Филаретъ Митрополитъ Московской.

Наступающее государственное, церковное и народное торжество священнаго коронованія Россійскаго Монарха и Его Супруги своею важностію заслоняетъ собою всѣ другія событія и невольно влечетъ къ себѣ вниманіе мыслящей части человѣчества всѣхъ странъ цивилизованнаго міра. Въ удовлетвореніе этого интереса образованными націями снаряжаются въ Москву десятки корреспондентовъ и скоро разноязычная періодическая пресса наполнитъ столбцы свои описаніями этого строго говоря *русскаго* торжества.

Въ чемъ же заключается интересъ этого событія? О простомъ, праздномъ любопытствѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ. Какіе либо международные интересы художественные ученые, даже политическіе опять таки не могутъ здѣсь имѣться въ виду: имѣетъ совершиться не какой либо *дѣловой* актъ международнаго интереса, а просто русское національное торжество.

Въ чемъ же дѣло?

На нашъ взглядъ главную силу интереса составляетъ именно *русскій* характеръ этого торжества. Ни западная Европа, ни Америка не знаютъ его, или если и знаютъ нѣчто подобное, то только по преданію, какъ фактъ прошлаго, когда то давно имѣвшій мѣсто въ жизни западныхъ народовъ. Во всякомъ случаѣ русское коронаціонное торжество, какъ оно совершается въ настоящее время, есть *выраженіе чисто русской идеи государственнаго порядка* и есть выраженіе, *носящее стиль и характеръ самобытно и своеобразно выработанные вѣковою жизнію русскаго*

народа, т. е. русское коронаціонное торжество и по внутреннему содержанію и по внѣшней обрядности есть оригинально русское.

Въ чемъ же состоитъ сущность и особенность идеи этого государственнаго порядка?

I) Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, однимъ словомъ—въ самодержавіи. Въ общемъ, конечно, отвѣтъ вѣрный. Но именно эта-то общность въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, весьма легко соединяется съ недостаткомъ ясности, отчетливости представленія, а иногда и прямо сопровождается смѣшеніемъ понятій довольно различныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе самодержавія не чуждо было ни римскому, ни византійскому, ни средневѣковому (западному) государственному устройству; не чуждо было и монархіямъ древняго востока. И кому неизвѣстно, какъ нерѣдко недруги Россіи или даже и домашніе наши мыслители, отуманившіе не глубокій политическій смыслъ свой раболѣпствомъ предъ всѣмъ заграничнымъ, злоупотребляли и злоупотребляютъ этой общностью, обзывая русское государственное устройство отсталымъ и выставляя новѣйшія формы западнаго „культурнаго правоваго порядка“, какъ цвѣтъ политическаго прогресса? И однако же тотъ фактъ, что теперь весь старый и новый свѣтъ, превозносящій эти формы „культурнаго государства“, съ глубокимъ интересомъ собирается участвовать въ торжествѣ русскаго самодержавія, краснорѣчивѣе всякихъ словъ свидѣтельствуетъ не объ отсталости, а наоборотъ—о силѣ и могущественной жизненности этой русской идеи государственнаго устройства. Отсталое, какъ дряхлое, неспособно къ росту, потому что не имѣетъ въ себѣ силъ для обнаруженія вліянія на внѣшнее его окружающее, этихъ силъ у него недостаетъ даже для самосохраненія и его жизнь подъ напоромъ внѣшняго давленія постепенно гаснетъ, какъ догорающая свѣча. Этотъ процессъ мы дѣйствительно и наблюдаемъ въ исторіи паденія монархій: римской, какъ опиравшейся исключительно на силѣ завоеванія, византійской, представлявшей смѣсь элементовъ римскаго монархизма и восточнаго деспотизма и средневѣковой европейской, сочетавшей въ себѣ элементы языческаго римскаго цезаризма и латинскаго католичества. Эти монархіи возникали быстро, благодаря преимущественно

личнымъ военнымъ доблестямъ своихъ основателей (полководцевъ) и, обнаруживъ въ началѣ блескъ и силу переживали затѣмъ то болѣе, то менѣе медленный процессъ упадка и угасанія. Не то мы видимъ въ исторіи развитія русскаго самодержавія, здѣсь мы именно видимъ процессъ какъ разъ обратный.

Въ началѣ исторіи русскаго государства идея самодержавія осуществляется весьма слабо и лишь постепенно, долгою и упорною борьбою съ препятствіями внутренними и внѣшними, болѣе и болѣе возрастаетъ въ своей силѣ. Этотъ постепенный ростъ ея весьма ясно выражается во внѣ даже въ разной формѣ титуловъ, которыми въ разныя эпохи украшались наши Государи.

„Первоначально русскіе государи носили наименованіе *Великихъ Князей*. Съ объединеніемъ Россіи подъ владычествомъ Москвы сталъ входить въ употребленіе титулъ *Царя*. Окончательоо усвоилъ себѣ это наименованіе Иванъ Грозный въ 1547 году; титулъ царя оставался за русскими государями до 1721 года. Но 30-го августа 1721 года Ништадскій миръ окончилъ великую сѣверную войну, веденную съ такимъ успѣхомъ Петромъ Великомъ. Въ ознаменованіе этого событія Сенатъ и Сунодъ опредѣлили просить Петра I-го принять наименованіе *Императора, Великаго и Отца отечества*. 11-го ноября того же года послѣдовалъ Высочайшій указъ о новомъ титулѣ. Этотъ актъ, ставившій русскаго государя равнымъ съ единственнымъ тогда императоромъ „священной римской имперіи германскаго народа“ вызвалъ протестъ со стороны многихъ европейскихъ державъ. Первыя державы, признавшіе новый титулъ, были: Пруссія, Нидерланды и Швеція. За ними послѣдовали: Турція, Англія и Германская Имперія, Франція и Испанія,—послѣднія не безъ оговорокъ, устраненныхъ декларацією Екатерины II-й. Польша послѣдняя признала новый титулъ русскихъ государей“ [1]).

Что же служило причиною поступательнаго успѣха идеи самодержавія въ нашемъ отечествѣ?

Личныя нравственныя качества и заслуги нашихъ госу-

---

[1]) Градовскій. Начала русскаго государственнаго права, т, I, стр. 155, 156; Спб. 1875.

дарей? Конечно, такъ; однакожъ эта причина — не единственная. Вѣдь и въ средѣ монарховъ другихъ странъ были нерѣдко весьма достойные носители и представители этой идеи, однакожъ они оказались не въ состояніи удержать отъ паденія свои монархіи. Необходимо слѣдов., предположить и еще другія условія отсутствовавшія тамъ и имѣвшіяся у насъ.

Однимъ изъ таковыхъ условій должно признать то, что идея самодержавія, какъ основнаго начала государственнаго устройства, коренится въ глубинахъ русскаго народнаго духа. Она, эта идея, не была навязана русскому народу отвнѣ, какъ нѣчто ему чуждое; напротивъ князья русскіе, наиболѣе успѣшно осуществлявшіе ее, завоевывали себѣ искреннія симпатіи народа, какъ наиболѣе отвѣчавшіе его идеалу. Конечно, точнѣйшій свидѣтель и выразитель народнаго духа есть языкъ народный. Что же намъ говоритъ о царѣ этотъ языкъ?

Всего болѣе наклонный къ мирному земледѣльческому труду народъ нашъ поэтически назвалъ, какъ извѣстно, свое только что образовавшееся государственное тѣло „*землю*“: „*отсюду начася прозывати Руськая земля*“. Но что для земли всего необходимѣе, краше? Что сообщаетъ ей силу растительную, плодородіе, красоту? Конечно — солнце. И вотъ поэтическое творчество народа переноситъ эти свойства солнца на свой идеалъ государя и этотъ идеалъ облекается въ конкретный поэтическій образъ „ласковаго князя Владиміра — Красное солнышко“ [1]). И этнографически, и географически, а можетъ быть и физіологически предрасполагаемый къ мирному земледѣльческому труду, какъ осѣвшій на равнинѣ, дов. однообразной, но обильной лѣсами и водами чего иного могъ желать себѣ русскій народъ отъ князя, какъ не обороны своей территоріи отъ безпокойныхъ своихъ кочующихъ полудикихъ сосѣдей и внутренняго строя и по-

[1]) И это—языкъ, не былинный только, но и лѣтописный. О Владимірѣ Мономахѣ лѣтописецъ отзывается такъ: „Преставися благовѣрный князь, Христолюбивый и Великій Князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже *просвѣти русскую землю, акы солнце лучы пущая*, его же слухъ произыде по всѣмъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ погапымъ, братолюбецъ и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за русскую землю“. (Полн. собр. лѣтопис., т. II, стр. 10).

рядка? Такъ оно и было въ дѣйствительности. Идеалъ князя отлился въ весьма опредѣленный образъ стража, „обороните-ля“ русской земли, „промысленника“ о мирной невозмущаемой и производительной трудовой жизни [1]), въ образъ пастыря народнаго и собирателя земли русской. „Васъ молю—обращается лѣтописецъ къ своимъ читателямъ—стадо Христово, съ любовію приклоните ушеса ваша разумно: како быша древніи князи и мужи ихъ, и *како отбороняху* Русскыя земля и *иныя страны пріимаху подъ ся*... и *расплодили быша землю Русскую*“ [2]).

Характерную особенность русскаго народа составляетъ убѣжденіе въ святости *родительской власти*. Власть отца и матери сомнѣнію не подлежитъ: отсюда—крѣпость родоваго быта, которою проникнутъ былъ долгое время общественный строй древней руси. И вотъ здѣсь мы наталкиваемся на слѣдующее явленіе народнаго міросозерцанія: прежде чѣмъ въ достаточной степени окрѣпло государственное начало въ формѣ строгаго монархизма въ общественномъ устройствѣ Руси, мы встрѣчаемся съ нимъ въ семейномъ родовомъ укладѣ. Родимый батюшка здѣсь—государь, и родимая матушка—государыня—и такъ не только для дѣтей слабыхъ, тихихъ и кроткихъ, но и для самыхъ мо-

---

[1]) Лѣтописецъ сообщаетъ слѣдующій интересный въ этомъ отношеніи эпизодъ изъ жизни удѣльнаго періода; „Вложи Богъ Володимеру (Мономаху) въ сердце и нача глаголати брату своему Святославу, понужая его на поганыя, на весну. Святополкъ же повѣда дружини своей рѣчь Володимерю; они же рекоша: не время нынѣ погубити смерды отъ рольи. И посла Святополкъ къ Володимеру, глаголя да быхомъ ся сняли и о томъ подумали быхомъ съ дружиною. Посланніи же пріидоша къ Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчю, и пріиде Володимеръ и срѣтостася на Долобьскѣ и сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ со своею дружиною, а Володимеръ со своею. И бывшу молчанью и рече Володимеръ: брате! Ты еси старѣй: почни глаголати, *како быхомъ промыслили* о русской земли? И рече Святополкъ: брате! Ты почни.—И рече Володимеръ: како я хочу молвити, а на мя хотятъ молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощетъ погубити смерды и ролью смердомъ? Но се дивно ми, брате: аже смердовъ жалусте и ихъ коній, а сего не помышляюще, аже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ Половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою и поиметъ лошадь ту, и жену его, и дѣти его, и гумно его зажжетъ; то о семъ чему не мыслите? И рекоша вся дружина: „право, во истину тако есть“. (Полн. собр. лѣтоп., т. II, стр. 1).

[2]) Полн. собр. рус. лѣтоп., т. V, стр. 87.

гучихъ богатырей, равно какъ и для такихъ необузданныхъ, дикихъ натуръ, какъ новгородскій типичный озорникъ и забіяка—Васька Буслаевъ. Несомнѣннѣе, безусловнѣе родительскаго авторитета пока еще нѣтъ никакого авторитета. И вотъ когда достаточно окрѣпло потомъ государственное начало, когда во главѣ народа русскаго сталъ „царь со своею царицею“, народный геній утвердилъ за ними авторитетъ родительскій — „царя — батюшки“, „царицы — матушки“.

Таковы оттѣнки, которые приняла у насъ идея самодержавія, какъ основаніе государственнаго порядка подъ вліяніемъ этнографическихъ національныхъ и историческихъ условій роста русскаго государства,—оттѣнки, строго опредѣленные, характерные. Для общественнаго національнаго организма царь и царица также необходимы какъ для земли солнце, какъ для стада пастырь, какъ для дѣтей и семьи—родители. Ихъ власть естественна и безусловна сама по себѣ, т. е. независимо ни отъ ихъ личныхъ качествъ, ни отъ личныхъ качествъ дѣтей: царь можетъ быть ласковъ, но можетъ быть и грозенъ, какъ и родимый батюшка. Эта необходимость царской власти есть нравственно-естественная, а не какая-либо искусственная и условленная, она есть оплотъ и опора благополучія и процвѣтанія русской земли и потому преклоняетъ не только волю, но влечетъ къ себѣ и сердце русское: народъ русскій не только безусловно повинуется и чтитъ царя, но и любитъ его. Отсюда утвердившійся за Россіею эпитетъ — „Царелюбивой“.

Достойно вниманія, что эта такъ сказать органическая связь націи съ царемъ ни мало не ослабѣвала даже въ годины самыхъ тяжкихъ политическихъ испытаній, какимъ подвергался политическій организмъ Руси. Въ смутныя эпохи наши урожденные крамольники и соціалисты, какъ то разная самозванщина, Стенька Разинъ, Емельянъ Пугачевъ, съ большимъ успѣхомъ организовали полчища повстанцевъ изъ обездоленнаго крестьянства и казачества и легко разжигали въ тянувшей къ нимъ „голытьбѣ“ страсти мщенія и корыстолюбія противъ боярства и властей; однако же и въ ихъ буйныхъ головахъ оставалась неприкосновенною и священною идея царя.

II. Существенная и едва ли не главная задача „культурнаго государства“ есть гарантія и господство права и закона. И въ осуществленіи этой задачи нашъ „государственный правовой порядокъ“, выработавшійся и установившійся долгимъ историческимъ опытомъ сохраняетъ нѣкоторыя характерныя черты.

„Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“ (ст. 47. осн. закон.)— такъ формулируется въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ разсматриваемая задача государства и должно сказать, что стремленіе нашихъ государей къ водворенію этой идеи законности знаменуется въ исторіи нашего государственнаго права явленіями и характерными и въ высокой степени поучительными.

„Россія издавна принадлежала къ числу странъ, признававшихъ необходимость писаннаго закона, какъ нормы управленія и суда. Памятники вѣчеваго законодательства Новгорода и Пскова дѣлаютъ честь той эпохѣ, въ которую они появились. Въ Сѣверо-восточной Руси за долго до появленія общихъ законодательныхъ актовъ, князья старались опредѣлить отношенія правительственныхъ лицъ къ народу уставными грамотами. Мотивомъ къ изданію судебниковъ, особенно царскаго, является стремленіе оградить народъ отъ произвола и лихоимства судей. Тотъ же мотивъ выраженъ и въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича... Вся система учрежденій Петра Великаго имѣла въ виду одну главную цѣль—обезпечить законность въ управленіи... Екатерина II-я возвела это стремленіе на истинно-философскую высоту. „Христіанская религія—говорится въ наказѣ Екатерины—учитъ насъ дѣлать другъ другу добро, сколько это возможно. Это правило побуждаетъ всякаго честнаго человѣка во 1-хъ желать своему отечеству высшей степени благосостоянія, славы, блаженства и спокойствія, во 2-хъ возбуждаетъ въ немъ желаніе видѣть всякаго согражданина подъ покровительствомъ законовъ, которые, не стѣсняя его благосостоянія, защищали бы его противъ всякаго дѣйствія, противнаго этому правилу... Въ чемъ состоитъ цѣль Самодержавія? Не въ томъ, чтобы лишить людей ихъ естественной свободы, но въ томъ, чтобы

направить ихъ дѣйствія къ величайшему изъ всѣхъ благъ. Законы должны сколько возможно охранять безопасность каждаго гражданина въ частности... На этомъ основаніи политическая свобода въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, вытекающее изъ мнѣнія, которое каждый имѣетъ о своей безопасности, и для того чтобы граждане имѣли эту свободу нужно, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другаго, но всѣ боялись бы однихъ законовъ". (Полн. собр. закон. № 12949) [1]).

Да, поучительны эти и дальнѣйшія свидѣтельства исторіи развитія нашего государственнаго права! Самодержавная Власть стремится къ тому, чтобы водворить между своими подданными гражданскую свободу. И не говоря о самой Россіи, видѣлъ весь свѣтъ на тронѣ россійскихъ монарховъ-самодержцевъ въ лицѣ Государей Александра I, Николая I, Александра II и Александра III-го мужественныхъ и самоотверженныхъ поборниковъ законныхъ правъ не только гражданскихъ, но и правъ народныхъ и призналъ за Ними безпримѣрные титулы „царей-освободителей" и „царей-миротворцевъ".

Но идея законности, священная для каждаго государства, претендующаго на званіе „культурнаго", по нашему государственному праву соединяется съ началомъ „неограниченной воли монарха". Одному Государю принадлежитъ высочайшая власть дарованія милостей въ особыхъ случаяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда симъ не нарушаются ничьи, огражденные закономъ интересы и гражданскія права, а также право помилованія или смягченія участи лицъ осужденныхъ или отбывающихъ наказаніе [2]). Примѣненіе этого права есть актъ „не правосудія, т. е. примѣненія закона къ данному случаю, а—милосердія, отмѣняющаго примѣненіе закона, слѣдовательно это право принадлежитъ только верховной власти, поставленной въ извѣстныхъ отношеніяхъ выше закона" [3]).

По силѣ этого начала, Самодержавіе, какъ органъ права и закона, есть въ тоже время и органъ милосердія, есть

---

[1]) Градовскій, цит. кн., стр. 4—7.
[2]) Сводъ законовъ Т. 1, кн. VI ст. 5.
[3]) Градовскій, цит. кн., стр. 149.

сочетаніе правды и милости. Но это сочетаніе — идеалъ справедливости. Ибо кто не знаетъ, что одно только безусловное царство человѣческаго закона—summum jus—есть величайшая несправедливость—summa injuria? Иначе и быть не можетъ: никакое законодательство въ мірѣ не въ состояніи предусмотрѣть всѣхъ возможныхъ отношеній, всѣхъ случаевъ жизни. Оно предначертываетъ только большее или меньше количество типическихъ формъ и формулъ для человѣческой дѣятельности и жизненныхъ отношеній; между тѣмъ жизнь постоянно творитъ новыя отношенія, образуетъ новыя комбинаціи и это ея творчество—неисчерпаемо. По этому судья или администраторъ, обязанный дѣйствовать *только по закону* (ибо въ этомъ гарантія отъ личнаго произвола) весьма нерѣдко наталкивается на такія жизненныя отношенія, которыя не вполнѣ подходятъ подъ тѣ схематическія комбинаціи, которыя въ ограниченномъ числѣ представляетъ ему кодексъ и онъ принужденъ данное дѣйствительное отношеніе отождествить на основаніи закона съ отношеніемъ иного качества. Вотъ здѣсъ-то и необходимъ органъ власти, высшей закона, чтобы своею волею упразднить неправду, происшедшую отъ неполноты, отъ немощности закона. Въ лицѣ Монарха Самодержавнаго, Неограниченнаго, „Воля Котораго не стѣснена извѣстными юридическими нормами“, Русское Государство, неуклонно проводя идею законности въ своемъ управленіи, всегда имѣетъ необходимое восполненіе для осуществленія высшей идеи справедливости, восполненіе, котораго недостаетъ западному „культурно правовому государству“.

Такъ идея самодержавія, выросшая и окрѣпшая на чисто національной почвѣ, осуществляемая политическою мудростію государей, возвысила русское государство въ настоящій историческій моментъ на степень могущественной культурной державы. Устремляя вниманіе назадъ историкъ русской цивилизаціи долженъ необходимо сказать, что во всѣхъ стадіяхъ ея поступательнаго развитія русскій народъ шелъ бодро и неустанно впередъ, озаряемый и согрѣваемый своимъ вождемъ, Самодержавнымъ Государемъ, какъ земля солнцемъ.

Наше указаніе характерныхъ чертъ русской идеи государственнаго порядка было бы не полно, если бы мы обо-

шли вниманіемъ и еще великую нравственную силу, участвовавшую въ дѣлѣ созиданія и строенія русскаго государства,—великую нравственную силу, которую русскій народъ и его государь почерпали въ крѣпкой своей преданности православію, въ просвѣщающей и освящающей дѣятельности Святой Православной Церкви. Посему необходимо отмѣтить и то, что ею привнесено въ органическое сочлененіе нашего государства.

III. Дѣйствіе христіанской проповѣди на великаго князя Владиміра лѣтописецъ наглядно изображаетъ въ слѣдующихъ двухъ повѣствованіяхъ. „Сей философъ (Кириллъ) много поучивъ Владиміра, послѣди же сказа ему и о второмъ пришествіи Христовомъ и страшномъ судѣ, и скончавъ словеса, отдаде Владиміру златотканную запону (на ней же бѣ исткано второе пришествіе Христово и страшный судъ), юже видѣвъ Володимеръ, вопроси Кирилла: что се есть? Кириллъ же сказа ему, яко пріидетъ Господь судити праведныхъ и грѣшныхъ, и праведныхъ своихъ послетъ въ царство небесное на вѣчное веселіе, грѣшныхъ же... послетъ во геенну, во огнь неугасающій и безконечныя муки... Володимеръ же *воздохнувъ* и рече: добро симъ, иже одесную Бога, горе же симъ, иже ошуюю Его... Въ сіе лѣто—заканчивается разсказъ—нача Господь испускати луча своея благодати на землю Русскую, хотя извести изъ тьмы на свѣтъ“ [1]).

Владиміръ сдѣлался христіаниномъ.

„Бяше же—характеризуетъ его лѣтописецъ—по премногу милостивъ на убогія и не ускоряше человѣка погубити, аще и за великую вину: сего ради умножишася татіе, разбойници и прочіи зліи человѣци и глагола къ Володимеру митрополитъ: почто, княже, злыхъ не казниши? Онъ же рече: *боюся грѣха*. Митрополитъ же и старцы рѣша: ты поставленъ еси отъ Бога властелинъ на наказаніе злымъ и милованіе добрымъ; достоитъ ти казнити злыхъ съ испытаніемъ; аще бо не казниши злыхъ, виждь, яко добрымъ злѣ дѣеши, понеже за твоимъ нерадѣніемъ умножаются злыи на пакость добрымъ; но погуби злыхъ, да добрыя въ мирѣ живутъ“ [2]).

[1]) Полн. Собр. рук. лѣтоп. Т. II, стр. 254.

[2]) Тамъ же, стр. 260.

Если строгая историческая критика находитъ основанія возражать противъ исторической достовѣрности перваго изъ этихъ лѣтописныхъ повѣствованій, то за нимъ все таки остается неотъемлемое и непререкаемое достоинство его жизненной правды, какъ типическаго выраженія того внутренняго благодатнаго дѣйствія Христовой вѣры на человѣческое сердце,—дѣйствія, благодаря которому православная церковь побѣдила русское язычество и, непрерывно воздѣйствуя на народную совѣсть, влила свой животворный духъ въ цѣлый національно-политическій организмъ Руси.

Въ чемъ заключается сущность и животворная сила этого духа?

Вникнемъ съ полнымъ вниманіемъ въ повѣсть лѣтописца и мы легко разрѣшимъ этотъ вопросъ.

Проповѣдникъ православной вѣры нашелъ доступъ въ сердце язычника указаніемъ на Судъ Божій съ его нелицепріятнымъ мздовоздаяніемъ за добро и зло и, пробудивъ усыпленную совѣсть, вызвалъ невольный, искренній вздохъ изъ груди грѣшника, при свѣтѣ божественной истины въ первый разъ увидѣвшаго бездну содѣяннаго имъ зла; за тѣмъ внѣдрилъ въ немъ мысль о неизбѣжности этого нелицепріятнаго Божьяго суда и такимъ образомъ въ сердце могучаго богатыря вселилъ страхъ Божій и боязнь грѣха. Но вмѣстѣ съ бояснью грѣха вѣра Христова вселяетъ въ сердце христіанина мужество и твердость именно тогда, когда это требуется положительною обязанностію, къ которой христіанинъ призванъ самимъ Богомъ: „ты поставленъ еси отъ Бога властелинъ на наказаніе злымъ и милованіе добрымъ“—наставлялъ князяхристіанина учитель той же вѣры, которая ранѣе въ сердцѣ князя-язычника вселяла боязнь грѣха, наставлялъ, указывая на великое зло, порождаемое его нерадѣніемъ въ исполненіи Божественнаго его призванія.

Такъ было въ началѣ просвѣщенія Руси „лучами благодати Господней“, такъ всегда было и потомъ въ теченіи тысячелѣтней исторической жизни. Проповѣдникъ и учитель вѣры всюду сопутствовалъ царю въ его заботахъ о строѣ земскомъ и государственномъ, вселяя въ сердцахъ подданныхъ его и его слугъ страхъ Божій, возводя гражданскій долгъ послушанія и службы царю на степень нравственной святой обязанности послушанія Волѣ Божіей. „*Бога бой-*

теся, царя чтите! — поучалъ уже въ нашъ вѣкъ одинъ изъ знаменитыхъ русскихъ іерарховъ: „сіи двѣ заповѣди такъ соединены для насъ, какъ бы два ока на одномъ лицѣ истины и правды, не разрозните ихъ, не обезобразьте лица истины; не повредите одного изъ очей ея". Въ разныя времена приходили къ намъ изъ разныхъ странъ разнообразные учители гражданственности и политики, проносились разнаго рода вѣянія, производившія шатость въ возрѣніяхъ не только простыхъ гражданъ, но даже и стоящихъ у кормила правленія и грозившія разрывомъ нашей гражданственности отъ нравственной ея основы, насажденной православною вѣрою. Но эти вѣянія оказывались безсильными предъ могущественнымъ оружіемъ проповѣдниковъ Божественной истины. Тотъ же іерархъ слѣдующимъ образомъ обличаетъ подобныя мудрованія: „Боимся Бога, говорятъ нѣкоторые изувѣры, и отрекаются молиться за царя, или давать ему дань, или вступать въ его службу. Не очевидно ли, что это не послѣдователи благочестія, но враги онаго, также какъ и отечества. Христосъ училъ: *воздадите кесарева кесареви;* Апостолы учили: *царя чтите.* Кто учитъ не тому, чему научалъ Христосъ и Его Апостолы, тотъ не послѣдователь, а врагъ Христовъ. Нѣгдѣ есть и политическіе раскольняки: они хотятъ къ соблазну народовъ имѣть царя, не освященнаго Царемъ царствующихъ, законъ человѣческій безъ закона Божія, власть земную безъ власти небесной, присягу безъ имени Божія. Знаете ли, что дѣлаютъ сіи неугомонные мудрователи? Они хотятъ выколоть у правды правое око. Можно ли основать законъ и власть только на зыбкомъ пескѣ мнѣній людскихъ? Какъ можетъ стоять земля безъ неба? Что значитъ клятва безъ Всевидящаго и Всемогущаго, Который Одинъ даетъ сему слову духъ и силу, непоколебимо поддерживающую вѣрнаго и неизбѣжно карающую измѣнника? Братія! Да стоимъ твердо во все цѣлой истинѣ и правдѣ! *Боящіеся Бога!* Царя чтите. Чтущіе Царя! *Бога бойтеся!* [1]).

Если повиновеніе Царю есть дѣло Богу угодное—святая обязанность, нарушеніе же ея есть не только преступленіе гражданское, но и прямо вражда противъ Бога; то и самыя

---

[1]) Слова и Рѣчи Филарета м. Московскаго, т. II, стр. 193–196.

полномочія и права царской власти съ точки зрѣнія Святой Церкви суть великое бремя и подвигъ, есть святѣйшая обязанность христіанина-царя. Высоко художественное выраженіе этого церковнаго воззрѣнія мы встрѣчаемъ въ рѣчи Московскаго митрополита Платона, произнесенной при священномъ коронованіи Императора Александра I-го. „Сей вѣнецъ Твой—говорилъ онъ обращаясь къ Богомъ вѣнчанному Царю — на главѣ Твоей есть слава наша, но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой, на Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность, но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе, но твое ополченіе. Вся сія утварь царская есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя.— *Бремя по истинѣ и подвигъ!* Предстанетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ имперія, каковую едва-ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія съ гласомъ отъ Судіи неба и земли: *да судиши судъ правый* и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ Благого Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы, и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію, и лицепріятіемъ и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не перестанутъ, да защитиши ихъ, да отреши имъ слезы, да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій Отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ, благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную Кровію Единороднаго Сына Божія. Сія августѣйшая дщерь неба, хотя довольно находитъ для себя защиты въ Единой Главѣ Своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою Креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, простретъ она свои руки и, ими объявъ Твою

любезнѣйшую выю, умолять не перестанетъ: да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для Себя токмо, но паче да явиши Собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злой духъ суевѣрія и невѣрія".

„Но съ Ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ и дерзнутъ подумать, что аки бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостью. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдство и роскошь со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ".

„При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи *обымутъ Тя истина и правда,* и мудрость, и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою вкупѣ съ Тобою желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ и расточатся врази Твои!"

„Се подвигъ Твой, Державнѣйшій Государь! Се брань, требующая, *да препоясеши мечъ Твой по бедрѣ Твоемъ, о Герой! И наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго!*"

„*Дивно,* глаголемъ: ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ требуетъ силъ болѣе нежели человѣческихъ. Почему судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать".

„Удержать,—но что же означаетъ сіе, надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ ли оно въ одной наружности? Составляетъ ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ онъ былъ Богомъ въ цари израилю и святымъ елеемъ помазанъ, Слово Божіе гласитъ: *и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ.* Сіе Духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничтожитъ моленія ихъ".

„Итакъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися. Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ Духомъ Владычнымъ подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно“ [1]).

Итакъ, что же святая православная церковь вноситъ своимъ вліяніемъ въ наше національно государственное сочлененіе? Отвѣчая кратко на этотъ вопросъ, должно сказать, что она вноситъ въ него духъ страха Божія. Въ страхѣ Божіемъ русскій вѣрноподданный не боится ни какого смущенія отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, вѣрно служитъ царю и безбоязненно полагаетъ жизнь свою за вѣру, царя и отечество. Въ страхѣ Божіемъ и царь мужественно подъемлетъ на себя подвигъ служенія народу и вѣруя въ святость своего призванія, даруетъ милость добрымъ и грозно караетъ того заслужившихъ, не смущаясь никакими человѣческими мудрованіями, никакими вѣяніями, хоть бы и весьма культурными, но противными его христіанской совѣсти.

Подъ дѣйствіемъ этого религіознаго начала Россія въ средѣ европейскихъ государствъ имѣетъ преимущественное предъ всѣми ими право называться христіанскимъ государствомъ; подъ дѣйствіемъ этого начала, выдерживая въ настоящее время свойства „культурнаго, правоваго государства, она остается, какъ и всегда была, „*Святою Русью*“.

И мы думаемъ, что высокіе гости, представители западныхъ культурныхъ государствъ, прибывшіе почтить русское торжество священнаго коронованія съ глубокимъ вниманіемъ отнесутся къ этой характерной чертѣ нашего государственнаго устройства и можетъ быть въ душѣ намъ позавидуютъ...

IV. Раскрытой выше идеѣ русскаго самодержавія соотвѣтствуетъ вполнѣ и внѣшняя обрядность, въ которую облекается торжество священнаго коронованія. И опять эта обрядность носитъ яркія національныя черты.

Это есть праздникъ государственный, народный и церковный, или лучше сказать есть внѣшнее выраженіе таинственнаго единенія Государя съ своею націею, освящаемое и утвер-

---

[1]) Рѣчь Императору Александру I-му на коронованіе Его. *С. Булаковъ:* Образцы святоотеческой и русской проповѣди. Харьковъ 1887, стр. 671—673.

ждаемое благодатною силою вѣры. Починъ празднества принадлежитъ Государю. Онъ призываетъ своихъ подданныхъ на свой праздникъ и Неограниченный, Самодержавный Государь свой властный призывъ растворяетъ отеческою любовію и уваженіемъ къ своему народу: „Призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ — гласитъ Высочайшій Манифестъ — въ предстоящій торжественный день Коронованія *раздѣлить радость Нашу* и *вмѣстѣ съ Нами* вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ дары Духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ державу нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ Незабвеннаго Родителя Нашего, Коего жизнь и труды на пользу дорогаго отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ“.

Центръ празднества—Москва—сердце Руси. Сюда, подобно тому какъ въ живомъ организмѣ, отъ самыхъ окраинъ направлены теперь жизненныя струи необъятнаго русскаго государства, чтобы соединившись здѣсь на моментъ снова разлиться по всѣмъ его развѣтвленіямъ, всюду неся съ собою оживленіе, укрѣпленіе, радостныя надежды. Области, города, селенія, государственныя, церковныя, общественныя учрежденія, ученыя, художественныя, промышленныя корпораціи чрезъ избранныхъ представителей своихъ предстанутъ здѣсь предъ свѣтлое лицо обожаемаго Монарха и Его Супруги, чтобы отъ всей земли русской принести Имъ свою „хлѣбъ-соль“, чтобы вознести свои молитвы за Нихъ предъ Царемъ царствующихъ и чтобы затѣмъ раздѣлить съ Ними ихъ праздничную трапезу и праздничныя торжества. Да, это праздникъ тѣснѣйшаго единенія православнаго царя съ своимъ народомъ, праздникъ радости, мира и любви,—любви такой жизнерадостной, всеобъемлющей, которая откроетъ гостепріимныя двери и гостямъ иностраннымъ и иновѣрнымъ. Въ эти свѣтлые дни любвеобильный Домовладыка русской земли, по обычаю русскаго гостепріимства, пригласитъ на пиръ свой и славныхъ, и знатныхъ, и послѣдняго бѣдняка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это—и великое торжество православной церкви. Ибо Первородный Сынъ ея, Богомъ вѣнчанный и превознесенный Самодержецъ величайшаго изъ государствъ въ древнѣйшемъ храмѣ первопрестольной столицы торжественно передъ лицомъ собора русской церкви и высшихъ государственныхъ чиновъ торжественно произнесетъ испо-

вѣданіе православной вѣры и озаряемый и вдохновляемый ею вознесетъ свою молитву о ввѣренномъ ему Богомъ народѣ.

Приготовься же, Святая Русь, на этотъ великій праздникъ достойнымъ тебя образомъ, явись предъ Царемъ и Царицею не только принарядившись наружно, но и настроивъ сердце свое благоговѣйнымъ трепетомъ и благодарностью предъ промыслительною благостію Царя царствующихъ, въ теченіи тысячелѣтія укрѣплявшаго царственныхъ вождей твоихъ въ трудномъ, самобытномъ шествіи къ недовѣдомо высокому міровому назначенію.

Н. Заозерскій.